

П. Берков.

**Изучение русской литературы иностранцами
в XVIII веке.***(Les études étrangères sur la littérature russe au
XVIII siècle)

Начало русской литературной историографии принято вести с появления в 1822 г. «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча.¹ Однако, изучение материала обнаруживает ошибочность этого утверждения. Уже в течение XVIII века был сделан ряд попыток исторического обзора русской литературы. Но русские изучения истории русской литературы до Греча явились следствием предшествовавших *иностранных* работ, посвященных той же теме. Даже «Опыт» Греча представлял работу, связанную с соответствующими главами книги выдающегося историка всеобщей литературы Л. Вахлера; в «Handbuch der allgemeinen Geschichte der litterarischen Cultur» (Marburg, 1804—1805) последнего впервые дана была в более или менее полном виде история новейшей русской литературы.

Утверждение это требует разъяснения. Не должно думать, что до книги Вахлера на Западе вообще ничего не было известно о русской литературе. Наоборот, как видно будет из дальнейшего изложения, Вахлер завершил лишь ряд многочисленных частич-

* Настоящая статья представляет третью главу диссертации «Ранний период русской литературной историографии».

¹ Акад. В. Н. Перетц, «К столетию «истории» русской литературы». «Изв. II отд. РАН», т. XXVIII, стр. 200—213.

ных попыток в данном направлении и внес в эту главу своего труда все то, что представляло итог западно-европейских изучений русской литературы в течение XVIII в.

С русской литературой западно-европейский ученый мир стал знакомиться задолго до книги Вахлера. Уже путешественники-иностранцы, напр., Герберштейн, Олеарий и др., в своих описаниях Московского царства давали некоторые, правда, очень скудные сведения о духовной культуре России. Но все эти отрывочные и краткие данные носили чисто иллюстративный характер, касались почти исключительно вопросов религиозных и, конечно, не могли и не предполагали давать полное и всестороннее представление об этой стороне жизни «Московитов».¹ Поэтому «сказания иностранцев» и не включены в рамки настоящего исследования. Гораздо важнее те работы, которые появились в конце XVII в. и в особенности в начале XVIII в., когда в несомненной зависимости от укреплявшихся экономических связей с Россией, в Западной Европе обнаружился большой интерес к России и русской жизни вообще. В трудах, посвященных этому вопросу, авторам естественно приходилось знакомиться и с духовной культурой России, и, таким образом, в подобных работах следует видеть предшественников специальных изучений русской литературы. Неслучайно, конечно, и то, что первые такие труды выросли на германской и шведской почве, в соседних странах, кровно заинтересованных в «московитских делах».

Уже в 1696 г. в «Praefatio» («Предисловии») к своей «Grammatica Russica» (Oxonii, MDCXCVI) («Русская грамматика») Генрих Вильгельм Лудольф дает нечто вроде историко-литературного экскурса: он кратко говорит о соотношении славянского и русского языков в литературном и бытовом обиходе, упоминает об «едиственной книге, написанной на простонародном наре-

¹ Путешественники конца XVIII в. (Bernoulli, J. Coxe, W. Chantreau, Luis del Castillo и др.) давали, помимо компилятивного материала, изредка и свои личные наблюдения; однако, на историографию русской литературы на Западе они не влияли; по крайней мере, на них нигде не приходилось встречать ссылок. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность В. В. Рахманову, указавшему мне «Compendio cronologico» etc. Luis del Castillo (Madrid, 1796).

чий» — «Уложении», представляющем свод русских законов, и сообщает о литературной деятельности Симеона Полоцкого, перечисляя его сочинения и отмечая стремление демократизировать литературную речь. Сведения эти, включенные в учебник, возникший не из научных, а практических целей — по словам Лудольфа, его «грамматика» предназначалась для иностранных купцов, дипломатов и миссионеров, — характерны и как показатель того, что интересовало тогдашних читателей, а также и как свидетель скудости собранных автором материалов.

По совершенно тем же причинам аналогичный экскурс был включен в трактат по экономической географии России, написанный известным немецким политико-экономом Паулем Иоанном Марпергером, выпустившим его под названием «Moscovitischer Kauffmann» (Lubeck, 1705; 2-е изд., 1723) («Московский Купец»)¹. Сам Марпергер в России не бывал, но, признавая «купечество одним из основных столпов всякого государства», считал нужным, при помощи литературных данных, составить для торгующих с Россией купцов свод материалов о коммерции, экономике, культуре этой страны. Между прочим, в главе IX «Московского Купца» дана любопытная сводка сведений о «литературе или занятиях изящными искусствами и науками в России» (die Literatur oder die Studia guter Künste und Wissenschaften in Ruszland). Марпергер называет здесь уже четырех писателей: Sudatworiz Philipp Collizau (чудотворец Филипп Колычов),² убитый по приказанию Ивана Грозного, Nikolla Sudatworiz (Николай Чудотворец), «не столько знаменитый, сколько святой муж, московский священник, написавший много духовных сочинений на славянском языке, высоко чтимых и читаемых всеми религиозными русскими людьми; они приписывают ему множество чудес, поэтому его изображения часто встречаются в церквах; жил он

¹ Это любопытное произведение стало мне известно, благодаря любезности М. П. Алексеева, которому я чрезвычайно признателен за это и за ряд других ценных указаний.

² «Moscowitischer Kauffmann», 1705 г., стр. 136—137. Во втором издании этой главы нет вообще.

Для сокращения объема работы цитаты приводятся только в переводе.

приблизительно в середине прошлого века (т. е., XVII)»;¹ далее Iwan Neronau (Иван Неронов), «иконоборец»² и Симеон Полоцкий. Обрисовав состояние русской юриспруденции, медицины («в медицине они не особенно искусны, т. к. болезни среди них не распространены, а где мало больных, медицина не развивается»)³ и других наук, в которых, наряду с русскими, много заслуг имеют находящиеся на русской службе иностранцы, Марпергер говорит: «Отсюда легко заключить, что для создания «республики писем» (zum Regno Literario) в Москве заложен уже порядочный фундамент».⁴ Успехи просвещения в России Марпергер ставит в полную зависимость от «уже многократно прославленного рвения его царского величества», т. е., Петра. Личность монарха представляется немецкому писателю главным фактором развития как торговли и промышленности страны, так и ее культуры в целом и литературы в частности. Несмотря на свои курьезные промахи, вроде включения в число русских писателей Николая-чудотворца, Марпергер интересен, как первый выразитель того направления в изучении русской литературы на Западе, которое связывает в одно «просвещение» и «абсолютизм», направления, которое в дальнейшем сделается господствующим в XVIII веке.

Возникшие из интересов немецкой торговой буржуазии, стремившейся овладеть русским рынком, книги Лудольфа и Марпергера не могут рассматриваться, как труды, специально посвященные проблемам русской литературы.

Между тем, в это же время стали появляться работы, ставившие себе именно эти задачи.

Первая по времени работа такого типа, по крайней мере, известная нам, принадлежала перу лифляндского суперинтенданта Николая Бергиуса (Nicolaus Olofsohn Bergius, 1658 — 1706). Она была написана по-немецки и называлась: «Freundliches An-

¹ Там же, стр. 137.

² Там же, стр. 137—138.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 140.

сinnen an die Herren Liebhaber der russischen Sprache, Bücher und Historie Nachricht davon zu ertheilen» (Narva, 1702) («Дружеское обращение к г-дам любителям русского языка, книг и истории относительно сообщения о том сведений»). К сожалению, отыскать эту брошюру не удалось. Некоторый свет на ее содержание проливает помещенная в любекском журнале «Nova Literaria Maris Balthici et Septentrionis» (1702, VI, стр. 171). («Литературные Новости Балтийского моря и Севера»), небольшая рецензия о ней, приводимая здесь полностью: «Только что¹ упомянутый с похвалой г. Николай Бергиус, суперинтендант нарвский, издал просительное писание (scriptum petitorium), в котором, после того, как показал особенную необходимость каждому богослову знать русский язык, покорнейше просит всех любителей русского языка, книг и истории указать ему все известные им или у них имеющиеся московские книги как печатные, так и рукописные, в особенности церковные, и сообщить ему их заглавия. Кроме того, он очень желает знать, не известно ли кому-либо о иной какой Библиотеке Московской, кроме той, которую включил Олеарий в свое «Путешествие», затем о книге, называемой Уложение (Vloschenie), далее о русских летописях, какие из них изданы, когда и с какого года они начинаются».

Из этой рецензии явствует, что Н. Бергиус собирался приступать к какой-то работе, связанной с знанием русского языка и литературы. В самом деле, вскоре вышла его книга «Exercitatio Historico-Theologica de statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae» (Holmiae, 1704—1705) («Историко-богословский опыт о состоянии Московитской церкви и религии»). В этой любопытной по собранным материалам книжечке следует, во-первых, отметить список пятидесяти иностранных источников, главным образом, «сказаний иностранцев», откуда Бергиус почерпал свои сведения, а затем, главы X—XI и в особенности гл. XVI, специально трактующие вопросы русского просвещения; здесь говорится о церковных школах, об употребляемых в них книгах,

¹ На предыдущей стр. рецензировался теологический трактат Бергиуса.

о переписчиках, о типографиях, о произведениях русской духовной литературы и, наконец, о русских библиотеках. Кроме того, в разных местах «Опыта» обнаруживается обстоятельное знакомство Бергиуса с русскими материалами.¹

Но и помимо этих, другой цели подчиненных, изучений русской литературы, Бергиус предпринимал более серьезное исследование собранного материала. Так, И.-П. Коль,² сообщает, что Бергиус намерен был приступить к специальной работе о «русских книгах и состоянии литературы» («*de libris et re litteraria Ruthenorum*»). А П. И. Кеппен в своих «Материалах»,³ ссылаясь на Г. Л. К. Бакмейстера, утверждает, что «еще начал он (Бергиус) сочинение *de libris et re literaria Ruthenorum* (о Российских книгах и Словесности), которое, однако, им не окончено».

Как ни скудны сведения об этих работах Бергиуса,⁴ во всяком случае, необходимо считаться с ними, как с наиболее ранними попытками подойти к специальному изучению русской литературы.

Следующий по времени, известный нам, труд, вышедший в Западной Европе и специально посвященный истории просвещения в России, появился в 1725 г. и представляет речь Готфрида Фоккеродта (*Vockerodt Gottfr.*, 1665—1727),⁵ ректора гимназии в Готе (Саксония), произнесенную им на гимназическом акте. Издана она была под вычурным и пышным заглавием: «*Inclinatae rei litterariae et evangelicae inter Prussos nova apud Russos incrementa, praesidia et domicilia, potentissimorum imperantium, Petri Alexiewitz et Catharinae Alexiewnae, clemen-*

¹ Знакомству с элементами русского языка Бергиус был обязан какому-то рязанскому попу Федору Степанову («*Pop Fedor Stepanof Ratzinensis Sacerdos*») (стр. 150). В начале книги приведено русское syllabическое стихотворение Иоанна-Гавриила Ивановича Спарвенфельда, напечатанное латинскими литерами.

² «*Introductio*», предисловие, стр. 1, примеч. (а).

³ Ч. I, стр. 10.

⁴ О нем см. в «*Gelehrten und Schriftsteller-Lexicon*» Рекке и Напиерского т. I, стр. 118—121.

⁵ О Фоккеродте см. Bouginé, G. F., *Handbuch d. Lg.*, т. V, стр. 41.

tissima providentia procurata (Gothae, 1725) («Словесности и религии, клонящихся к упадку среди пруссов, новое у русских возрастание, защита и прибежище, охраняемые кротчайшей предусмотрительностью могущественнейших повелителей Петра Алексеевича и Екатерины Алексеевны»).

Сперва Фоккеродт рассматривает литературную производительность торнского университета в Пруссии (Schola Torunensis Borussiae), указывает время ее расцвета и затем характеризует постепенный упадок литературы у пруссов и одновременно возвышение ее в Польше. Обрисовав вкратце положение просвещения в эпоху Казимира, Стефана Батория и особенно Сигизмунда-Августа, Фоккеродт заключает обзор состояния литературы в Польше так: «Одним словом, в продолжение всего царствования Сигизмундова, длившегося свыше сорока лет, распространялись в Польше мир, благосостояние и науки («litterae»))» (стр. 3). Затем Фоккеродт переходит непосредственно к России: «не очень отличается от этих польских царей Ягеллоновой ветви, в особенности от Сигизмунда, недавно умерший русский император Петр Алексеевич» (там же). В дальнейшем Фоккеродт останавливается на связях культурного порядка между Петром и Пием-Эрнестом, герцогом Саксен-Готским. Дав характеристику личности и деятельности Петра и Екатерины I, Фоккеродт говорит: «Таким образом, под царственным покровом Петра и Екатерины, под сенью их кротости возможно было недавнее приглашение некоторых из наших соотечественников: они многократно вызывались из академии в Галле, чтобы обучать русскую молодежь наукам и начаткам евангельской добродетели. Следует удивляться все-таки предусмотрительности русских владетелей, которые для распространения этого (наук и начатков евангельской добродетели) в Сибири и в отдаленнейших пределах русской власти, куда едва достигают и чиновники, на всем протяжении этой страны рассеяли плененных под Полтавой шведов: последние для смягчения печали своего изгнания собирают детей варваров (barbaros pueros) и обучают их как начаткам знаний, так и евангельским истинам и набожности» (стр. 4 обор.).

Видя в этом залог постепенного роста русского просвещения, Фоккеродт делает вывод: «Конечно, если впоследствии светская и духовная литература (*humanior sanctorumque literatura*) будет удалена из пределов Пруссии, то те, кто искренно предан ей, пусть повелят ей уйти в изгнание: русские не откажут ей в гостеприимстве» (там же).

Произнесенная на торжественном акте в присутствии саксенготского герцога Пия-Эрнеста, речь Фоккеродта, конечно, не представляет ценности в научном отношении. В сущности, в ней, кроме общих мест относительно просветительной деятельности Петра, нет ничего, что могло бы обнаружить знакомство автора с русской литературой. Тем не менее, речь Фоккеродта заслуживает внимания, как документ, в котором живо отразились свежие впечатления европейцев от петровских реформ; создалось убеждение, что Россия — страна совершенно дикая, варварская, без своей туземной культуры, в которой лишь иностранцы — специально приглашенные немцы и пленные шведы — являются культуртрегерами. Поэтому заключительный тезис Фоккеродта о переходе литературы в Россию надо понимать в том смысле, что западная наука и образованность начинают находить себе в России прибежище.

Если внимательно всмотреться в речь Фоккеродта, в ней легко заметить основной взгляд его на лиц царского рода, как на единственный фактор развития литературы и наук. Важно также отметить и другую черту воззрений Фоккеродта: интерес исключительно к духовной литературе, всяческое подчеркивание религиозного момента. Из этих двух элементов, при преобладании второго, и складывается протестантская теологическая наука немецких княжеств первой четверти XVIII века. При кажущемся совпадении этой точки зрения с позицией Марпергера на самом деле пред нами две различных идеологические формы. Марпергер — типичный буржуа, гражданин вольного торгового города Любека; его интересует, как одна из предпосылок широко развернутых экономических связей, духовная культура России в целом, и литература, и медицина, и юриспруденция, и «сту-

диа гуманиора» — математика, физика и т. д. Иное представляет речь Фоккеродта, внимание которого привлекает религиозная проблема; наука, о развитии которой в России он говорит, только подготовительный момент для распространения «евангельской истины». Со своей церковной точки зрения воспринимает он процесс европеизации России. Таким образом, совершенно очевидно, что несмотря на признание обоими авторами — монархов главным фактором культурного развития, они исходят из различных предпосылок, и выводы их, при частичном совпадении, различны. Фоккеродт — профессор в маленьком немецком княжестве, остатке феодального строя в Европе; его протестантски-теологическая точка зрения — при всех измерениях, внесенных реформацией, — все же коренится в феодальных отношениях, при которых религия есть высшая идеологическая форма. Не то встречаем мы у Марпергера, идеолога торговой буржуазии, которая перерастает рамки религиозного мировоззрения. Эти две точки зрения будут проявляться и в работах, касающихся истории русской литературы. В начале XVIII века наиболее распространенной была «протестантски-теологическая» точка зрения, и в свете ее становятся понятнее и более ранние работы Н. Бергиуса, и несколько более поздняя работа И.-П. Коля, о которой будет речь в дальнейшем.¹

¹ К этой же категории принадлежит и появившаяся за четырнадцать лет до того книга Иоганна-Михаила Гейнекция (Joh.-Mich. Heineccius (1674—1722) «Eigentliche und Wahrhafte Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche», (1711) («Подлинное и истинное изображение древней и новой греческой церкви»), в прибавлении к которой (§ 7, стр. 62—63) сообщен «каталог писателей, пояснявших своими сочинениями гражданскую и церковную историю российскую». Для нас она особой ценности не имеет, так как «о московитской и русской церкви писали, правда, многие, — говорит Гейнецкий, — но ни разу не было писано кем-либо из природных московитов» (стр. 62). О Гейнекции см. Bouginé, C. F. Handb. d. Lg., т. III, стр. 440—441.

В вышедшей за год до книги Гейнекция работе б. ректора бреславльской гимназии Христиана Грифиуса (Chr. Gryphius 1649—1706) «Apparatus, sive Dissertatio Isagogica de scriptoribus historiam saeculi XVII illustrantibus» (Lpz., 1710) («Подготовка или вводная диссертация о писателях, поясняющих историю XVII столетия») глава XIII, стр. 556—560) отведена «Московии», но тут перечисляются исключительно авторы, писавшие либо на латинском, либо на новых европейских языках. О Грифиусе см. Bouginé, цит. соч., т. III,

Помимо общей методической и идеологической установки, рассмотренные работы объединены еще одним внешним признаком, территориальным: все они вышли за границей, все они принадлежат иностранцам, жившим вне пределов России.

Между тем, наряду с произведениями подобного рода, имеется некоторое количество работ, принадлежащих перу иностранцев, проживавших в России и имевших возможность более подробно, внимательно и легко знакомиться с русской литературой.

Одним из наиболее ранних исследователей истории русской литературы этого типа можно было бы признать известного литературно-политического агента Петра I, воспитателя царевича Алексея, барона Генриха Гюйсена (de Huysen, ум. в 1740 г.). Дело в том, что один из его современников, монах Адам Селлий в своей «*Schediasma literarium*» («Литературная записка»)¹ утверждает, будто барон Гюйссен написал трактат о знаменитых и ученых мужах российских, напечатанный в датском журнале «*Ephemerides literariae Danicae*» («Датские литературные записки») за 1714 г. (№ 41, стр. 679). Здесь якобы помещена статья Гюйсена «*Von den russischen Schriftstellern*» («О русских писателях»). На самом же деле, по полученным мною из Копенгагенской Национальной Библиотеки сведениям, журнала «*Ephemerides literariae Danicae*» вообще не существовало. Можно было бы предположить, что Селлий спутал название журнала. Но, как указывает акад. П. П. Пекарский, «Селлий приписал Гюйссену более, нежели сколько он действительно сделал, и это подтверждается собственно запискою барона о своих заслугах: там не пропущено ни одной небольшой даже статейки его, а между тем ни слова нет о сочинениях, приписанных ему Селлием».²

стр. 174. Несколько нарушая хронологию следует указать на аналогичную работу Joh. And. Godofred'a Schetelig'a «*Rerum russicarum scriptores aliquot eosque nobiles atque illustres*» (Hamb. 1768) («О нескольких историках России, наиболее знатных и знаменитых»), где рассматриваются Герберштейн, Ульфельдт и Майерберг.

¹ Стр. 21. О Селлии см. главу первую настоящей работы.

² Акад. П. П. Пекарский, «Наука и литература в России при Петре Великом». СПб., 1862, т. I, стр. 319—320; ср. стр. 90—91 о «Записке» Гюйсена.

Все это заставляет считать указание Селлия ошибочным, и, следовательно, работу Гюйссена о русских писателях признать вымышленной.

Насколько удалось восстановить из сбивчивых и неясных показаний Селлия, Коля и др. авторов, источником неверных сведений о литературной деятельности Гюйссена была работа некоего Михаила-Схенда фан-дер-Беха (Mich. Schend van-der-Bech) «Praesens Russiae literariae status» («Современное состояние русской литературы»), написанная в 1725 г. Это произведение принадлежало иностранцу - врачу, проживавшему в России приблизительно с 1723 г. Согласно показаниям биографов, фан-дер-Бех был македонским греком, учился и служил сперва в Австрии, а затем перешел на службу в Россию. Будучи страстным поклонником личности и деятельности Петра I, фан-дер-Бех в 1725 г. написал «эпистолическую диссертацию» («dissertatio epistolica»), которую отправил своему другу, секретарю трансильванского князя, Самуилу Koeleser'у de Keres-eer'у (вероятно, тоже македонскому греку: в тексте автор часто говорит о «нашей Греции», «наших греках»). В этом письме дано обозрение состояния наук в России к 1725 г., «позображены заслуги Петра Великого с пламенем и великим искусством, так же, как и многих других ученых мужей, особенно медиков, в России».¹

Письмо фан-дер-Беха было опубликовано сперва в Венских «Acta physico-medica Academiae Caesareae Naturae Curiosorum»² и вызвало большой интерес. И.-П. Коль указывает, что диссертация фан-дер-Беха была перепечатана во многих изданиях, между прочим, и в пользовавшемся большим распространением итальянском ученом журнале «La Galleria di Minerva».³

Характеризуя эту диссертацию, акад. Пекарский отзывается о ней, как о произведении, «в котором все блистательные изве-

¹ Рихтер, В. М. История медицины в России, ч. III, стр. 177; О фан-дер-Бехе, стр. 175—180.

² Т. I за 1727 г., прилож., стр. 131—149.

³ I. P. Kohl «Introductio», стр. 22, прим. (в).

ствия о настоящем состоянии учености в России начала XVIII столетия написаны с такими преувеличениями, что с первых же страниц теряешь всякое доверие к автору письма».¹ Несмотря на такой строгий отзыв Пекарского, следует все же иметь в виду, что в лице фан-дер-Беха перед нами не один из наемных панегиристов, вербовка которых составляла обязанность барона Гюйсена: перу фан-дер-Беха принадлежат и другие произведения, и, между прочим, имеются сведения о том, что им было написано сочинение, обнаруживающее вообще его интерес к истории литературы, а именно «*Lexicon universale criticum*» («Всеобщий критический словарь»), почему-то похищенный у него князем Маврокордато, у которого Бех служил.²

Письмо Схенда фан-дер-Беха начинается характеристикой скептицизма, которым проникнута одна из работ адресата, посвященная оценке современной ему науки и подчеркивающая его недоверие к раздутой молвой славе некоторых писателей. Фан-дер-Бех не считает нужным поддерживать такой скептицизм Koeleser'a в отношении России, где культивируются, по его словам, всевозможные науки и знания.

Перечислив ряд враждебно настроенных историков-иностранцев, повествовавших о русских делах (*rerum Ruthenicarum*), фан-дер-Бех утверждает, что в противоположность этим бесстыжам (*profligati pudoris*) и бессердечным (*malesani cordis*) «бичевателям» России, его задачей является поддержка притязаний современной России в области наук и учености и «воссоздание природного цвета вещей, лишенных фальшивых румян и прикрас».

Затем идет панегирическая характеристика Петра, называются некоторые его сподвижники (Брюс, Шафиров и др.), отмечается значительная роль синода в области духовной культуры тогдашней России (стр. 133—136).

Среди деятелей науки и поэзии упоминаются и характеризуются Феофан Прокопович (стр. 136), Феофилакт Лопатинский (у Беха просто *Lopatinski*) (стр. 137), Анастасий (у Беха — Афа-

¹ Пекарский, *op. cit.*, I, 319.

² Рихтер, *цит. соч.*, стр. 178, примеч. (1).

насий) Кондоиди, кн. Дм. Кантемир, Гавриил Бужинский, Бидло (стр. 138) и др.

Несомненно в характеристиках М. Схенда фан-дер-Беха чрезмерно много льстивых, витиеватых оценок, не имеющих научного интереса, в качестве историко-литературного материала. Однако, значение «эпистолической диссертации» фан-дер-Беха заключается в том, что здесь впервые дан обзор деятельности русских писателей и ученых, не только духовных, но и светских. Написанная чрезвычайно цветистым слогом, с массой латинизированных грецизмов, статья фан-дер-Беха читается с трудом, но, тем не менее, труд этот не бесплоден, так как в работе фан-дер-Беха дается, хотя и пристрастная, но подробная картина того культурного подъема, свидетелями которого были многие иностранцы, подобно фан-дер-Беху, попавшие в Россию в связи с петровскими реформами. Этими условиями и определяется идеологическая сторона работы фан-дер-Беха: как и Марпергер, и другие, автор «эпистолической диссертации» видит в Петре, вообще, во владетельном лице главный источник и фактор культурного преуспевания, роста и мощи. И хотя Схеид фан-дер-Бех именуется в письме дворянином (*eques*), тем не менее, его диссертация проникнута идеологией ученого из бюргеров, порвавшего со средневековым теологическим мирозерцанием.

Названными работами исчерпываются, повидимому, попытки рассмотрения деятельности русских писателей, предпринятые дилетантами. Однако, не далее, как через два года после опубликования «эпистолической диссертации» фан-дер-Беха, появилась работа солидного ученого, специалиста, достаточно подготовленного и серьезного. В 1729 г. в Альтоне вышел труд Иоанна-Петра Коля (*Johann-Peter Kohlius, 1698—1778*) «*Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum, imprimis sacram*» («Введение в историю и литературу славянскую, особенно в церковную»)¹. С этой работой мы вступаем в круг тех трудов по

¹ О Коле — см. Модзалевский, Б. Л. Список членов Акад. Н. СПб., 1908, стр. 10; Р. Биогр. Словарь («Кнапше-Кюхельбекер»), стр. 84; Венгеров, С. А. Источники, т. III, стр. 150.

истории России вообще и по истории русского просвещения в частности, которые предпринимались иностранцами, приглашенными на службу в Академию Наук и другие ученые учреждения.

Здесь следовало бы остановиться подробнее на вопросе о роли и месте историко-филологических знаний в первоначальном плане Академии Наук, а также на первых работах академиков в данном направлении. Однако, это отвлекло бы от главной задачи настоящей части нашей работы, и поэтому приходится ограничиться сравнительно немногими сведениями. В первоначальном проекте Положения об Академии Наук (22 января 1724 г.), при разделении ее на три класса, в последний были включены те науки, которые тогда назывались «гуманиора, гистория и права».¹ Количество членов этого «класса» Академии было определено в три человека. «Третий класс—читаем мы в проекте,—состоял бы из тех членов, которые в гуманиорах и прочем упражняются. И сие свободно бы трем персонам отправлять можно: первая б элоквенцию и студнум антиквитатис обучала, вторая гисторию древнюю и нынешнюю, а третья—право природы и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)».² Несколько позднее эта формулировка была слегка видоизменена: по проекту 10 февраля того же 1724 г. предполагалось, что в третьем классе «будут производиться... литере гуманиорес, гистория и право природы и народов» (там же, стр. 23). Хотя эти дисциплины и осуществлялись на первых порах, однако, по указанию акад. А. А. Куника, принятые во внимание при начертании плана Академии Наук почти все отрасли человеческого знания по необходимости были ограничены и сокращены.³ В числе подвергшихся сокращению со стороны объема находились и историко-филологические науки. Вообще, в отношении третьего класса Академии Наук, так называемых «гуманиора, гистории и права», четко поставленных заданий на

¹ «Материалы для истории И. А. Н.», т. I, стр. 17.

² Там же.

³ «Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке», ч. I, стр. IX.

первых порах не было, в особенности в применении к изучению русской культуры. Тем не менее, академики по собственному почину вступили на путь исследования культурной жизни России. Так, уж на первом торжественном публичном заседании Академии Наук, состоявшемся 27 декабря 1725 г., академиком Георгом Бильфингером (Bülfinger Georg-Bernhard, 1693—1750) была произнесена речь о развитии наук (*litterae*) с древнейших времен вплоть до открытия *Academia Petropolitana*.¹ Таким образом, в этой первой работе Академии Наук вопросы русского просвещения и науки ставились в связь с общими проблемами культурной жизни образованных народов.

Но еще интереснее была упомянутая выше работа И.-П. Коля, к которой мы сейчас вновь возвращаемся.

И.-П. Коль был рекомендован в Петербургскую Академию одним из крупнейших ученых того времени, редактором знаменитых *Acta Eruditorum* И. Б. Менком,² в качестве «субъекта, способного в элоквенции». Внимание на себя Коль обратил выпущенной в 1723 г. книгой «*De ecclesia graeca lutherizante*» («О лютеранствующей греческой церкви»). По приезде в Петербург Коль примкнул к числу немногих первых академиков, начавших заниматься не наукой вообще, а применительно к России. Он стал деятельно изучать литературную продукцию страны, на научной ниве которой работал. В течение первых двух лет Коль, по словам официального отчета, «диссертаций в частных собраниях подал» общим числом девять.³ Из них следует отметить: 1) Об обращении славянского народа в веру христианскую; 2) о языке славянском и его начале; 3) о редких письменных книгах библиотеки московской; 4) о писании Ефрема Сирина некая особливая усмотрения; 5) совет о сочинении лучшего лексикона славянского; 6) совет о устройении славянской библиотеки;

¹ См. о нем: Пекарский, П. История Академии Наук, т. I, стр. 81—95. Речь его помещена в *Sermones in primo solemni Academiae Scientiarum imperialis conventu die 27 Decembris Anni 1725 publice recitati Petropoli* (1726), стр. 1—62.

² «Материалы», т. I, стр. 47.

³ «Материалы», т. I, стр. 283.

7) история славянского перевода священного писания. Относительно последней диссертации прибавлено, что «тамо же и нечто особое о авторе ее, историю церковную изъясняющая, прилагаются».

Все перечисленные диссертации — в большей или меньшей мере — требовали работы непосредственно над славянским и русским литературным материалом. В результате у Коля появилась, частично впоследствии осуществленная им, мысль написать историю славянской и русской литературы.

В конце 1727 г. Коль, заболевший психическим расстройством, явившимся, по словам биографа,¹ следствием любви к цесаревне Елисавете Петровне, — был отправлен к себе на родину, в Голштинию. Через два года, оправившись от болезни, он объединил некоторые из своих диссертаций и выпустил в свет «*Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram*» (Altonaviae, 1729), («Введение в историю и словесность славян, особливо церковную»). В сущности заглавие не соответствует содержанию книги. «Введение» Коля состоит из двух частей или книг. Первая посвящена истории славянского перевода библии, его составу, автору этого перевода и смежным проблемам, а в приложении к первой книге дано исследование об осторожской, или, как говорит Коль, островской библии; вторая книга трактует об истории различных версий Ефрема Сирина, в особенности о славянской; подобно первой книге, вторая сопровождается приложением, а именно, двумя неизданными речами Ефрема. Таким образом, собственной истории литературы, даже в том смысле, как это употреблялось во времена Коля, в его книге искать не приходится. Коль сознает несоответствие между заглавием и текстом книги и в «*Praefatio ad lectorem*» («Предисловии к читателю») говорит, что передает другу читателю «книгу, излагающую хотя и не всю, однако, важнейшие главы славянской литературы, никем доселе неразработанной. Поэтому, — продолжает он, — мы признали уместным написать вве-

¹ Пекарский, П., ИАН, т. I, стр. 78, прим. 3.

дение в словесность и историю славян» (стр. 1). В примечании к этим строкам предисловия Коля указывает, что пользуется таким заглавием, имея ввиду именно обобщающий замысел, так что остальные части славянской литературы, которые, может быть, появятся впоследствии, легко будут присоединены под тем же заглавием.

В дальнейшем Коля излагает содержание настоящей своей книги и предполагаемых последующих: «В данной части нашей истории, за каковою, с божьей помощью, последуют остальные, мы пытались, с приличествующей верой, передать некоторую тщательную, из вернейших памятников извлеченную историю славянских библий. Между прочим, в этой части славянской литературы, которая и в самой церковной истории составляет не последнюю главу, я при немногих изысканиях нашел ее (т. е., славянскую литературу) такой неточной, столь полной ошибок, так покрытой густым туманом и мраком (*tanta caligine obductam atque offuscatam*), что, кажется, она больше всех прочих настоятельнейшим образом требует исключительного трудолюбия исследователя» (стр. 1 и оборот).

Из этих заявлений самого Коля явствует, что для него исследование славянских текстов имеет не самостоятельное значение, а подчинено, как и у известного нам Бергиуса, иным целям, а именно, разработке церковной истории. Таким образом, книга Коля представляет историко-литературный интерес в том смысле, как и рассмотренные выше работы протестантских историков начала XVIII в. Можно полагать, что Коля не случайно остановился на истории славянской литературы: его интересовала, как видно из имеющихся материалов, связь между греческой и лютеранской церквами, и с этой стороны он и был приведен к изучению славянской словесности.

Итак, «Введение» Коля, не представляя собой истории славянской, тем более русской литературы в целом, было ценно лишь как одна из первых попыток заняться историей старо-русской письменности применительно к целям и потребностям лютеранской *Kirchengeschichte*. Эта последняя тенденция сказыв-

ается уже на титульном листе книги, где автор, говоря о впервые опубликовываемых им двух речах Ефрема Сирина, утверждает, что они служат к вящему укреплению лютеранского вероисповедания.

Второе произведение Коля, менее известное, заслуживает такого же пристального внимания, как и «Introductio». Подобно тому, как «Введение» Коля представляло объединение двух его диссертаций, поданных в «приватных собраниях» Академии Наук (стр. 12), а именно 7-й и 4-й, точно так второе его для нас интересное сочинение представляло шестую диссертацию — «совет о устройении славянской библиотеки» («Consultatio de scribenda bibliotheca slavonica»).¹

Отмечая положительное значение той формы историко-литературных исследований, которые в то время были особенно распространены и носили название «Библиотек», Коль определяет их, как книги, «в которых содержатся не только перечни авторов, как это обычно бывает в каталогах, но и множество разнородных научных материалов» (стр. 64). Назвав ряд подобных работ,² Иоанна Альбрехта Фабриция (1668—1736; «Bibliotheca graeca», Гамбург, 1705—1728; 14 т.), Иоанна Христофа Вольфия (1683—1739; «Bibliotheca hebraea», Гамб., 1715—1732; 4 т.), Иосифа-Симона Ассемани (1687—1768; «Bibliotheca syriaca», Рим, 1719—1728), Коль относительно последней замечает, что она может служить лучшим образцом подобных трудов: «в самом деле, в этой книге, кроме имен писателей, дат, родины, социального положения их (*conditio*), он приводит и заглавия их трудов» и т. д. (стр. 65—66). Далее Коль останавливается на роли «Библиотек» в истории церковной и светской и приходит к заключению, что «библиотекам наш век обязан тем, что устанавливаются более или менее верные

¹ Напечатана в геттингенском журнале «*Paregra sive accessiones ad omnium generis eruditionem*», 1738 г., т. I, кн. IV, стр. 64—79. Имя автора, в начале статьи, обозначено инициалами «I. P. K.».

² Необходимо вспомнить при этом и первый подобный труд «*Bibliotheca universalis*» Конрада Геснера, о которой трактуется в предыдущей главе настоящей диссертации.

сведения о таланте, числе, подлинности или подложности древних авторов и о прочих, сюда относящихся, вещах» (стр. 66). Отсюда Коля делает вывод о необходимости провести создание подобных «библиотек» в широком размере, а, в частности, следует подумать о том, чтобы восполнить пробел, имеющийся в этом отношении в славянской литературе, где никаких попыток подобного рода не предпринималось (стр. 67). «Не приходится доказывать, насколько полезна подобная работа. . . Если какая-нибудь часть истории литературы до сих пор скрывалась в густом мраке, то это, конечно, славянская» (там же). «Славянская Библиотека» сможет рассеять вздорные сообщения разных иностранцев, пишущих о России, а, с другой стороны, послужит на пользу занимающимся историей церковной и светской» (стр. 68—69). Далее Коля переходит от общих суждений к конкретному начертанию плана «славянской библиотеки» (стр. 72). Он предлагает разделить ее на три части: в первой следует говорить о славянской версии Библии и о творениях отцов церкви (стр. 72—74); во второй—о работах исторических (стр. 74—78); третья часть должна обнимать все прочие церковные книги (*libros ecclesiasticos*) (стр. 78—79). Наконец, все те остальные книги, как прежде, так и недавно напечатанные, которые нельзя без натяжек отнести к трем только что перечисленным классам, могут быть использованы в приложении (*appendici servari possint*) (стр. 79).

Если видеть в этом «проекте создания славянской библиотеки» общую историко-литературную концепцию Коля, то рассмотренное выше «Введение» следует признать попыткой выполнения первой части намеченного плана.

Теологическая точка зрения Коля из сопоставления обеих работ делается еще отчетливее; видно, что Коля история славянской и русской литературы интересует не сама по себе, а лишь как материал для истории церкви.

Близко подходит к работам Коля неизданная рукопись известного магистра Иоганна-Вернера Пауса (*Johann - Werner Paus*, 1670—1735), озаглавленная «*Observationes, inventa et experi-*

menta circa Literaturam et Historiam russicam in Camera Obscura et optica ad Academiam Scientiarum instituta» (Наблюдения, мысли и опыты касательно русской литературы и истории).¹

«Литературой» Паус считает образованность в целом,² но, главным образом, останавливается на азбуке, словах, «номенклаторах», словарях и грамматиках. Любопытны некоторые определения и замечания автора. «Славяно-русская азбука (das Sloveno-Ruszische Asbuki)— это бессистемный ряд букв уже самого по себе испорченного и смердящего (stinckenden) греческого алфавита» (л. 2). Паус сетует на отсутствие буквы га (h), из-за чего проистекает грех при произнесении святых слов: иегова, аллилуйя (halleluja) и т. д., на неправильное произношение «фиты», несоблюдение долготы гласных. «Их на такой долготе построенные стихи нелепы (absurd) и стеснительны (gezwungen)» (л. 2 обор.). В алфавите нет порядка, трудно разыскивать нужное в словарях. Все это следует устранить и изменить. «Понятно, часто овладевало мною отвращение к этой азбуке, и я полагаю, хотя и не уверен, что эти пороки языка проникли еще во времена Ярослава I, когда Россия получила от греков около 1030 года образованность, и это все вторглось благодаря неряшливости и несообразительности монахов» (там же).

Датированная 25 октября 1732 года, диссертация Пауса живо показывает, что составляло предмет изучения тогдашних исследователей русской литературы; совершенно очевидно, что

¹ Архив б. Минист. Ин. Дел. Портфели Г. Ф. Миллера, № 150, 1, 10. Эта рукопись была доставлена Паусом в Академию Наук и из канцелярии попала к Г. Ф. Миллеру, может быть, была даже украдена им. На эту мысль наводит сообщение Пауса в той же рукописи (лист 7) о судьбе некоторых его исторических манускриптов, которые были частью выданы an den falschen, miszgunstigen und mir noch immer gefährlichen Professor Müller, частью похищены им. Вероятно, вследствие этого данная рукопись осталась неизвестной акад. В. Н. Перетцу, давшему в III т. своих «Историко-литературных исследований и материалов» (СПб., 1902, преимущественно стр. 142—254) наиболее полный очерк жизни и деятельности магистра Пауса; см. также в приложении к тому же III тому «Труды магистра И. В. Пауса», стр. 85—103. Впрочем, ср. стр. 239, упоминание об этой статье В. Пауса в его письме к Л. Блуменструту.

² «Россия около 1030 года приняла (empfangen) «литературу» от греков» (л. 2 обор.).

и Пауса русская образованность интересовала с той точки зрения, что и Коля.

Почти одновременно с последним начинает действовать историк Миллер (Müller, Gerhard-Friedrich 1705—1783),¹ сыгравший столь крупную роль в нашей исторической науке XVIII века. Среди многочисленных материалов Миллера, в его знаменитых портфелях, сохранилось не мало данных, показывающих, что историк подготовлял «ученую российскую историю». Так, у него имелись чужие работы по данному вопросу, упомянутый выше трактат Пауса, «каталог богословским книгам на славянском и российском языках», с пометкой Миллера, «communicatus a D. Pastore Rodde» (Narva, 1733).² Далее, там находятся выписки и сочинения Иоанна Фабриция (Johann-Andreas Fabricius, 1696—1769) «Abrisz einer allgemeinen Historie der Gelehrsamkeit» Лейпциг, 1752 — 1754, в 3 т.), касающиеся истории русского просвещения.³ Кроме этих документов, опись портфелей Миллера указывает еще следующие: «Библиотека Российская», «Материалы к Российской Литеральной истории»; наконец, идет ряд работ, показывающих, что Миллер не только собирал материалы, но и приступал даже к обработке подготовительных данных. Так, сохранились следующие рукописи Миллера: «Наставление о сочинении литеральной истории» (№ 250/2), «Введение в литеральную историю» и, наконец, «Опыт литеральной истории» (№ 250/4)

«В наставлении о сочинении литеральной истории» («De literarum historia scribenda consultatio»), где есть более поздняя пометка Миллера «моя первая работа в Петербурге в 1727 г.»,

¹ О Миллере — Венгеров, С. А. Источники, т. IV, стр. 303; Модзалевский, Б. Л. Список членов А. Н., стр. 6, 7, 12, 390.

² Портфели, № 366, I—IV.

³ «Портфель», № 409/15. Об истории просвещения в России Фабриций сообщает крайне скудные сведения, касающиеся преимущественно языка (перечень грамматик, т. I, стр. 160), введения христианства (т. II, стр. 682—683), библиотек (т. III, стр. 862), иностранцев, писавших в России (т. I, стр. 719) и т. д. Для своей книги Фабриций пользовался только на иностранных языках опубликованными данными.

между прочим, идет речь о первоначальном просвещении русских, главным образом, об изобретении славянского алфавита (л. 8), затем о происхождении «гражданской» азбуки и, наконец, о глаголице (л. 8bis). Остальные же рукописи не содержат материалов по истории русской литературы. Так называемые «материалы для русской литтеральной истории» — по большей части, либо списки книг, преимущественно богословского характера, либо (что относится к более поздней эпохе) различные документы «литературного быта», например, стихотворная перебранка Ломоносова и Сумарокова («Гимн бороде» и т. д.), письмо Николева «на смерть А. П. Сумарокова», «Послание к творцу посланий»¹ и т. д.

Как ни незначительны работы Миллера по истории русской литературы, все же не следует пройти мимо них при рассмотрении литературной историографии XVIII в. в обработке иностранцев, тем более, что обычно, говоря о Миллере, меньше всего обращают внимание на эту сторону его деятельности.

Трудно судить о времени, к которому следовало бы приурочить работы Миллера. Правильнее считать, что Миллер собирал материалы в течение всей своей жизни. Так, напр., рукопись о «литеральной истории» (см. выше) — юношеская работа историографа. Упомянутый ранее «каталог» пастора Родде помечен 1733 г.; наконец, выписки из книги Фабриция, вышедшей в 1752—1754 гг., явно относятся к эпохе не ранее середины 1750 годов; «Российская Библиотека» — выписки из «Russische Bibliothek» Бакмейстера, выходившей с 1772 г.

Если работы Г. Ф. Миллера и не были опубликованы, тем не менее, некоторое влияние на развитие истории русской лите-

¹ У Миллера рукопись анонимна. «Послание» принадлежит Ал-дру Сем. Хвостову и было направлено против Фонвизина (Кн. П. А. Вяземский, соч., т. V (Фонвизин), стр. 216—220). Экземпляр Миллера очень важен по выставленной на нем дате — «Послание ко творцу посланий, или копия ко оригиналу (!) 1781 году июня 4 дня». (Портф. № 414, I). Дата важна для установления значения слова «литтература», которому, по мнению М. И. Сухомлинова, права гражданства дал Карамзин:

«... не надобно на перелом натуре
читать за старосту себя в литтературе».

ратуры они оказали, хотя бы, напр., в лице известного библиографа и ученика Миллера — Н. Н. Бантыша-Каменского, о котором придется говорить подробнее в одной из следующих глав.

Кроме миллеровских материалов, на 30-е годы XVIII ст. приходится еще две работы, касающиеся истории русской литературы, упоминавшаяся в I гл. «Литературная записка о писателях, которые своими писаниями объясняли политическую и церковную историю России» Адама Селлия («*Schediasma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*». Revaliae, 1736) и, кроме того, называемое Кеппеном «неизвестное творение» «*Annales litterarii Magnae Russiae, Poloniae, Lithuaniae, Prussiae, Livoniae et Suetoniae*», о котором, по его словам, «с похвалою упоминается в «*Acta Eruditorum*» в 1739 г. на стр. 383».¹

Поскольку о книге Селлия было уже в своем месте (в первой главе) сказано, сейчас, ограничившись о ней простым упоминанием, мы можем перейти ко второй книге, «неизвестной», по словам Кеппена. Если обратиться к указанному году известного Лейпцигского журнала «*Nova Acta Eruditorum*», то окажется, что в № VIII, на стр. 383—384 напечатан проспект предполагаемого издания, заглавие которого приведено выше. Надо полагать, что издание это — не состоялось; основанием для этого заключения служат последние слова проспекта: «Итак, следовательно, издатель почтительнейше просит всех любителей истории литературы, которые желают продвинуть (*promovere*) издание этих *Анналов*, объявить свои имена у таких-то книготорговцев, из какового числа подписчиков станет ясно, стоит ли издателю тратить средства (*oleum*) и труды».² Имени этого издателя выяснить не удалось.³

Интерес к русской литературе на Западе к началу 40 годов XVIII столетия, насколько можно судить по дошедшим данным,

¹ Кеппен, стр. 7.

² «*Nova Acta Eruditorum*», 1739, стр. 384.

³ Единственное конкретное указание об этих «*Анналах*» в проспекте то, что местом издания предполагается Франкфурт-на-Одере.

понижился. Россия перестала уже к тому времени быть для европейцев притягательной своей неизвестностью и утратила характер «новизны». Вместе с тем, европейская историко-литературная наука в течение 1740—1760 гг. переживала особенную полосу увлечения, с одной стороны, «микрологическими» разысканиями,¹ с другой обобщающими трудами, вроде упоминавшегося труда И.-Андр. Фабриция, и в этом отношении для обоих направлений русская литература, совершенно неисследованная и неизученная, не могла представлять особенного интереса; впрочем, у Фабриция, как видно было из сказанного ранее, кое-какие сведения о России находятся. Истинной же причиной ослабления интереса к изучению истории русской литературы на Западе в указанный период можно признать то, что в это время прежняя протестантски-теологическая точка зрения на литературу, как преимущественное выражение религиозной и научной жизни, постепенно сменяется, благодаря усилению мощи, материальной и культурной, средней буржуазии, стремлением изучать художественную литературу, продукт поэтического творчества «всего народа», а не одного лишь духовенства. Понятно, что русская литература, представлявшаяся, благодаря перечисленным выше работам, исключительно религиозной, не могла быть предметом особенно усиленных изучений.

Лишь после почти 30-летнего перерыва появляются одновременно две работы, принадлежащие перу иностранцев, живших в России и выпустивших около 1767 г. свои небольшие обзоры истории русской литературы. Первое произведение принадлежало некоему Иоанну-Генриху Фромманну (1729—1775).² Состоя профессором философии в Московском университете с 1756 по 1765 г., Фромманн имел возможность в достаточной мере ознакомиться с состоянием русской науки и литературы. Резуль-

¹ См. об этом в предыдущей главе.

² О нем: Шевырев, С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского ун-та, ч. II, стр. 536—537; Joh. Georg Meusel, *Lexicon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller*, т. III, стр. 550, Лpz. 1804. Неустроев. Указатель, стр. 735.

татом этого знакомства была диссертация, представленная им в октябре 1766 г. в Тюбингенский университет для получения звания профессора философии. Название диссертации было следующее: «*Stricturae de statu scientiarum et artium in Imperio Russico*» (Tubingae, 1766) («Краткое начертание состояния наук и искусств в Российской империи»).

В предисловии к своей работе Фромманн говорит, что в качестве человека, проведшего в Москве около 10 лет в должности профессора философии, он считает уместным познакомить читателей с истинным состоянием наук и искусств в России, так как часто случается, что наши сведения о ходе вещей у чужих народов не соответствуют действительности, в особенности если последние отделены большими пространствами, или приходится ощущать недостаток в писателях о них, особенно достойных доверия. Поэтому автор и избрал тему, которая могла бы быть интересной читателям своей новизной, приятностью и полезностью.

Следующие пять страниц диссертации Фромманна отведены тому, что можно назвать методологическим и обще-историческим введением. Историческая концепция Фромманна продиктована той формой политического строя, которая расцвела под влиянием роста средней буржуазии в середине XVIII в., именно просвещенным абсолютизмом. Счастье народов — по мнению Фромманна — заключается не в материальных благах, не в обилии богатств. Известно, что народы, покоящиеся, так сказать, в лоне благополучия, были некогда несчастливы. Истинное же и прочное счастье народов приобретает лишь заботами и усилиями тех, кто сидит у кормила государственного. Таким образом, дело тех, по чьей воле все в государстве установлено происходить, дело их, побуждаемых единственно счастьем народа, возбуждать его, подымать, поддерживать, лелеять, восстанавливать. Одной из важнейших забот правителей государств всегда было народное просвещение. Древние восточные деспоты ненавидели науки и удерживали подчиненные им племена от источников знания. Совершенно иное видим мы — утверждает Фромман — в новое

время. С точки зрения такого «просвещенного абсолютизма» автор диссертации анализирует историю древних и новейших народов и подходит, таким образом, к личности Петра Великого. В пышных риторических формах упадочного ораторского искусства XVIII века говорит Фромманн о Петре. «Повелитель обширнейших царств, Петр Великий, подобно одушевляемому небесным огнем Прометею, проникнутый мыслью о благе граждан, снизойдя с высоты престола к мудрецам и художникам чуждых стран, лишь тогда вознамерился бы признать себя удовлетворенным, если бы по возвращении на родину имел в качестве союзниц и соучастниц трудов и славы самих Муз» (стр. 6—7). Преемники Петра точнейшим образом продолжили дело преобразования и, таким образом, согласно концепции Фромманна, создается удобный отправный пункт для изучения современной ему эпохи. «Eamus in rem presentem» (стр. 7) («Итак, обратимся к современности»).

Однако, прежде чем обратиться к современности, Фромманн дает краткий обзор русской образованности с древнейших времен (стр. 8—14), пользуясь частью русскими источниками (напр., «Киевской» летописью, т. е., «повестью временных лет»), частью иностранными, как Миллеровы «Sammlung russischer Geschichte», Веберовой «Veraendertes Russland», Трейеровой «Einleitung zur Moscovitischen Historie», Августа Бозе «Die Curiosen und historischen Reisen»,¹ известным нам Бергиусом и др.

В заключение этого обзора Фромманн приводит обстоятельную биографию Феофана Прокоповича (стр. 14—17) и более краткую Дмитрия Сеченова (стр. 17—18); кроме того, им сообщаются некоторые материалы о преподавании философии в Москве во время его пребывания там (стр. 18—20). Далее

¹ Не лишне отметить, что согласно указанию Фроммана (стр. 13) имя Август Бозе является псевдонимом писателя Таландра. На последнего дважды ссылается Селлий, указывая — Таландр «op. cit.» М. Евгений замечает по этому поводу, что цитируемого труда Таландра на предыдущих страницах нет. На самом же деле, сперва у Селлия упоминается Август Бозе, т. е., псевдоним, в дальнейшем же ссылки производятся на настоящее имя автора «Der curiosen und historischen Reisen».

Фромманн переходит к характеристике русской юридической литературы (стр. 20—24), затем говорит о медиках русских царей и вообще о постановке медицинских знаний в тогдашней России (стр. 24—28). Следующий параграф (IX) посвящен собственно истории просвещения в России, перечисляются немногие высшие, специальные и средние учебные заведения (стр. 28), говорится об их программе (стр. 29 и примечание на стр. 31—35) и попутно о распространенности знания иностранных языков в России (стр. 29). В этом же параграфе Фромманн называет ряд выдающихся, по его мнению, русских писателей, как историки Татищев (стр. 29), Ломоносов (стр. 29), географы Кириллов и Семенов (стр. 30), математики и физики Магницкий, тот же Ломоносов, Нартов, Муравьев, князь Сицианов и др. (стр. 30).

Особенно интересен конец этого §, где Фромманн впервые знакомит европейских читателей с представителями русской художественной литературы. «Общеизвестно (*in apriaco est*), что русские — пишет Фромманн, — подобно прочим племенам Европы, культивируют все национальное (*vernaculam suam*)». Среди популярных писателей назван князь Дмитрий (вместо Антиох) Кантемир, Ломоносов, Алексей (вместо Николай) Поповский, переводчик Поповой поэмы «о человеке», Ив. Перф. Елагин и Ал. Петр. Сумароков, члены Лейпцигского Литературного Общества; последний, по указанию Фромманна, весьма прославился «своей книгой» «*apis laboriosa*», или, как он передает латинскими литерами «*trudolubivnaja ptschela*» и драмой «Синав и Трувор»; далее упоминается Херасков и Тредиаковский (стр. 31). Последний X параграф (стр. 35—38) посвящен обзору состояния различных искусств в России: архитектуры (стр. 35—36), живописи (стр. 36), музыки (там же). В заключение Фромманн останавливается на учреждении Екатериной II Академии Художеств и ее программе (стр. 36—38). Фромманн не делает никаких выводов из сообщенных им фактов, но они сами напрашиваются: несомненно диссертация о «состоянии наук и искусств в империи Российской» представляла вполне современный и свежий для той эпохи материал и после ряда трудов,

повторявших общеизвестные данные, вносила новое и интересное для западно-европейского ученого содержание. К сожалению, не удалось выяснить, какие отзывы вызвала диссертация Фромманна. Но несомненно, интерес она возбудила, так как вслед за ней появляется ряд других работ, разрабатывающих аналогичную тему.

Так, в следующем 1767 году в Абовском университете некий выборгский житель Андрей Нессин (André Nessin) защищал диссертацию, тогда же напечатанную. Название ее «*Dissertatio historica de statu litterarum antiquo et hodierno in imperio Rossico*» (Абоае, 1767)¹ («Историческая диссертация о древнем и современном состоянии образованности в Российской Империи»). Во французском посвящении своего труда выборгскому коменданту, генерал-майору Петру Алексеевичу Ступишину, Нессин писал, что «наконец, издает в свет первую часть своей диссертации, где пытается изобразить (*developper*) главным образом древнее состояние образованности в нашем отечестве, кончая смертью императора Петра Великого» (стр. 3).

Подобно Фромманну, и Нессин начинает диссертацию методологическим введением, в сущности представляющем повторение уже известной точки зрения историков литературы, проникнутых идеологией «просвещенного абсолютизма». «Подобно тому, как древние — пишет Нессин — почитали киммерийские народы несчастливее других по той причине, что заброшенные в длительные потемки, наиболее важным органом, т. е., глазами, могли вполне удобно пользоваться лишь незначительную часть года, так мы, по справедливости, сожалеем об участи тех кто, погруженные в мрак невежества, не умеют отличать истинного

¹ Обычно эта диссертация приписывается И. Бильмарку, который был лишь председателем при защите диссертации. «Известно, что в прежнее время на заглавиях диссертаций, которые были защищаемы в германских университетах и потом печатались, почти всегда находятся совокупно имена двух лиц: профессора, председательствовавшего при диспуте — *президента*, или *пропонента*, и того соискателя ученой степени, который вел диспут, или защищал тезы, *респондента*, и что большею частью очень трудно определить, кто из них двух был настоящим автором напечатанной диссертации». («Библиографические отрывки», I. СПб. 1854, стр. 16—17. Отд. отт. из «От. Зап.» 1854 г.).

от ложного, доброго от дурного. Таким представляется нам состояние людей, которые удалены от сообщества прочих и, будучи предоставлены сами себе, живут в естественном состоянии (*in statu naturali*)... Находящиеся в таком состоянии люди не знают, ни каким образом должны они приблизить (*promovere*) свое счастье, ни какими способами могут они безопасно отвратить грозящие им бедствия. Помощь в обоих случаях они находят в гражданском сосгоянии». Далее Нессин указывает на то, что таким образом появляющаяся государственная власть стремится насаждать науки и искусства, имея ввиду интересы граждан (стр. 1—2). Следующие рассуждения Нессина особенно характерны: «Кто признает необходимость образованности в государстве, может, однако, сильно сомневаться, соответствует ли ее развитие любой форме правления, или же может случиться, что в некоторых государствах Музы, подъемлющие главы, притесняются, вместо того, чтобы быть хранимыми и лелеемыми. Главным образом представляет задачу образованным людям абсолютно монархический строй» (стр. 3), стремящийся держать своих подданных в невежестве. В противоположность этому деспотическому строю существует такой, где «императорская власть есть Палладий и благословенный дар высшей силы» (стр. 4). Эта власть почерпает из наук, из книг справедливость и добродетель (стр. 5). Благодаря этому, «владыки, истинные отцы отечества, всегда озаботятся о широком распространении наук и искусств» (стр. 6). Наметив, после этого, ряд мероприятий, предпринимаемых таким просвещенным монархом, Нессин переходит к характеристике деятельности Екатерины II. Затем идет уже непосредственно изложение того, что автор называет «*statum antiquum litterarum in imperio Rossico*». Нессин дает, на основании западно-европейских источников, картину исторического и просветительного развития России с древнейших времен до начала татарского ига (стр. 8—20), затем до воцарения Петра I, (стр. 20—29); остальная часть диссертации (стр. 30—52) посвящена характеристике деятельности Петра в области просвещения. Здесь находятся такие же неумеренные и цвети-

стые похвалы Петру, как и у Фромманна; затем идет ряд характеристик отдельных ученых и деятелей просвещения петровской эпохи — пастора Глюка (стр. 39—40), барона Гюйссена (стр. 40—41), врачей Арескина, Бидло, Блументроста и др. Последние страницы диссертации посвящены изложению деятельности Академии Наук и т. п. «Итак, — кончает Нессин, — здесь мы полагаем оборвать нить нашего повествования, и если высшие силы дадут нам жизнь и средства, и позволят обстоятельства, мы намерены выполнить остальные части настоящей работы в ближайшем же будущем с тем рвением, какого настоятельнейше требует любовь к родной земле» (стр. 51). Но, насколько удалось выяснить, вторая часть работы Нессина не появилась, и, если судить по первой, нужно признать, что, по сравнению с Фромманном, писавшим не только или, вернее, не столько на основании иностранных источников, сколько на основе лично собранного материала, диссертация Нессина нового вклада не представляла. Следует отметить, что об изящной литературе, в противоположность Фромманну, Нессин не говорит совсем. Но как бы посредственна ни была работа Нессина, все же она интересна, во-1), как образец применения просвещенно-абсолютистской точки зрения в изложении древней русской литературы и, во-2), как свидетельство возобновления интереса к русской литературе; последнее обстоятельство получает еще большую силу, если вспомним, что почти одновременно с диссертацией Нессина вышла упоминавшаяся уже ранее (стр. 96) работа Шетелига «*Regum russicarum scriptores*» («О российских историках»).

Интерес к литературе России, так веско заявлявшей в это время Европе свою экономическую и политическую мощь, был в некоторой части западных ученых и просто любителей литературы несомненен. Безусловно в связи с этим и стоит появление в 1768 г. на страницах Лейпцигского журнала «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste*» (в № VII) («Новая библиотека изящных наук и свободных художеств») статьи «*eines hierdurch reisenden russischen Cavaliers*» («про-

езжего русского дворянина»), называвшейся «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater*» («Известие о некоторых русских писателях, с приложением кратких сведений о русском театре»). История и значение этой работы для историографии русской литературы, вопрос об авторе ее и т. д. — все это не входит в план настоящей главы и послужит материалом для следующей, в которой речь будет о словарях русских писателей в XVIII и начале XIX в. Сейчас же следует особенно подчеркнуть, что эта работа была вскоре переведена на французский язык и дважды издана в Ливорно, в Италии, в 1771 и 1774 гг. под названием «*Essai sur la littérature russe etc.*». Несмотря на такое троекратное появление в свет, «Известие» все же не оказало никакого влияния на дальнейшее развитие западно-европейских изучений русской литературы. Ни один из последующих авторов-иностранцев, писавших об истории русской литературы, не ссылается на упомянутый «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*». Зато для развития русской литературной историографии это произведение имело важнейшее значение, но вопрос это служит предметом исследования следующей главы.

До сих пор, т. е., до 70-х годов XVIII ст. работы по истории русской литературы принадлежали либо немцам, либо родственным им народностям, шведам (Бергиус), голландцам (Гюйссен)¹ и т. д.; с 1780-х годов появляются попытки изучения русской литературы, исходящие от французов или романских народностей вообще. В 1782—1783 г. выходит пятитомный труд известного французского историка Пьера-Шарля Левека (*Pierre-Charles Levesque*) (1736—1812),² в течение семи с лишним лет проживавшего в России в качестве профессора словесности в кадетском корпусе в Петербурге. Труд Левека назывался

¹ Есть указания на то, что в книге J. Broedelet «*Oude en Nieuwe Staat vant Russisch of Moscou. Keyzerryk «Utrecht, 1744, 2 т. (Презжнее и современное состояние русской или московской империи)*» целая глава посвящена состоянию письменности и искусств в России («*Старые Годы*», 1911, № 7—9, стр. 181).

² О Левеке см. Р. Биограф. Сл. («*Лабзина-Ляшенко*»), стр. 126—127; «*Biogr. Universelle*» т. XXIV, стр. 372—378.

«Histoire de Russie» и был основан на документальном изучении русских источников. Понимая задачи историка очень широко, Левек включил в IV (стр. 535—538) и особенно V (стр. 331—352) томы своего труда материалы, касающиеся судеб просвещения России вообще и изящной литературы в частности.

Левек не дает полной картины развития русской литературы. У него приведены лишь частичные сведения о росте и характере русского просвещения. Обстоятельнее освещена культурная жизнь России в XVIII в. Из новой литературы, т. е., литературы XVIII в., Левек называет только Феофана Прокоповича (т. V, стр. 333), князя Дмитрия (вместо Антиоха) Кантемира, о котором говорит, как об авторе сатир, вызывавших в свое время удивление, и ныне более не читаемых (т. V, 333—334), Тредьяковского (т. V, 334—335),¹ Ломоносова (т. IV, стр. 535, т. V, стр. 335—341; на стр. 336—341 — прозаический перевод «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» — «Царей и царств земных отрада»), Сумарокова (т. IV, стр. 535—536; т. V, стр. 341—347; приведены переводы 2 басен и 1 сатиры), Хераскова (т. IV, стр. 536; т. V, стр. 347—351; с переводом отрывка из *Россиады*) и графа Андрея Петровича Шувалова, писавшего на французском языке стихи, которые французами приписывались Вольтеру.

Левек, хотя в ранних своих произведениях, по словам биографов, и приводил общие всем энциклопедистам взгляды и был, благодаря этому, отрекомендован Екатерине Дидро, не был причастен, по крайней мере, не обнаруживал своей связи, если таковая была, с энциклопедистами: если судить по предисловию и отдельным главам его «Histoire de Russie», касающимся русской литературы, Левек был, подобно многим рассмотренным нами авторам, сторонником «просвещенно-абсолютистской» точки зрения. Следует отметить, что впоследствии, в эпоху французской революции, Левек стоял в стороне от политической жизни и продолжал заниматься историческими изысканиями. Таким образом,

¹ Здесь впервые сообщается о заучивании стихов из «Тилемахиды» в виде штрафа на эрмитажных собраниях.

указанные главы его «*Histoire de Russie*» не могут, после работ Фромманна, Нессина и др., представлять интерес с методологической стороны: его значение заключается в том, что он ввел новый материал по сравнению с другими иностранными авторами, до него писавшими об истории русской литературы, в частности, с Фромманном, а затем, что он не рассматривает изящную литературу мимоходом, мельком, как прочие, а уделяет ей преимущественное внимание. Воспитанный на классической литературе, Левек, между прочим, с пренебрежением отзывается о народной словесности. «Если исключить летописи, — читаем мы у Левека (т. V, стр. 332), — написанные с такою же сухостью, как и простотою, то песни в течение долгого времени представляли единственную литературу русских. Некоторые стихи из времен допетровских сохранились до наших дней, и, право, не стоит сожалеть, что их не сохранилось больше».

Почти одновременно с трудом Левека выходит «*Histoire de la Russie ancienne et moderne*» Леклерка (Le Clerc, Nicolas Gabriel, 1726—1798).¹

В первом томе «*Histoire de la Russie moderne*», 1783 г. (стр. 51—100) Леклерк приводит данные о состоянии литературы в России («*Des poètes, des historiens et des littérateurs russes*») с древних времен и вплоть до 1780-х г. Эта работа по истории русской литературы совершенно несамостоятельна, как, впрочем, и большинство рассмотренных нами трудов иностранцев в данной области. Источниками Леклерку служили неназываемая им «речь о русской поэзии» М. М. Хераскова, известная Леклерку во французском переводе (об этой речи — см. пятую главу настоящей диссертации), «словарь» Н. Новикова, которому Леклерк приносит благодарность за сообщенные сведения — «*C'est à lui que je dois la plus grande partie de mes connaissances sur la Littérature Russe*» (стр. 96) — и известный нам Левек. С последним Леклерк хотя и полемизирует, однако, кое-какие факты у него заимствует. На историографию русской литературы на Западе

¹ О Леклерке — см. «*Biographie Universelle*», т. IX, стр. 78—80; «Р. Биограф. Словарь» («Лабзина-Ляшенко»), стр. 179—180.

книга Леклерка влияния не оказала; ссылки на нее встречаются только в «Travels into... Russia» Вильяма Кюкса (1784 г., т. II, стр. 175—213, *passim*) и в «Vergleichung des älteren und neuern Russlandes» Христофа Мейнерса (1798, т. I, стр. 184, примеч. «r»). В методологическом отношении Леклерк не представляет особого интереса, так как подобно Левеку, с которым polemизирует, примыкает к историкам, стоящим на «просвещенно-абсолютистской» точке зрения (см. в особенности стр. 99—100 и 165—168). После обзора русской литературы идет перевод «Чесмесского боя» Хераскова (стр. 101—129) и первой песни поэмы Ломоносова «Петр Великий» (стр. 130—140); далее высказываются критические суждения об этой поэме и вообще о творчестве Ломоносова (стр. 140—143); наконец, следует отметить главу о «происхождении и развитии искусств со времен Рюрика и до Петра Великого» (стр. 144—170).

Впрочем, эти труды несколько выпадают из общего плана настоящей работы, как произведения, лишь попутно рассматривающие историю русской литературы. Однако, труд Левека важен потому, что имел большое значение для западно-европейских литературно-историографических писателей, в качестве основного источника.

Почти одновременно с выходом последних томов *Histoire de Russie* Левека, в Парме начинает печататься семитомная работа испанского аббата Хуана Андреса (D. Juan Andres) под названием «Del'origine, de'progressi e dello stato attuale d'ogni letteratura» (т. I в 1783 г., второй в 1785) («О начале, развитии и современном состоянии всех литератур»), в которой автор ссылается на труд Левека (т. II, стр. 98; испанск. перевод того же произвед., т. III, 1785 г., стр. 181), хваля последнего за осведомленность.

На этого же автора ссылается и другой одновременно писавший историк литературы Карло Денина (Carlo Denina). В 1784 г. вышло второе издание его четвертью столетия ранее напечатанной книги «Discorso sopra le vicende della letteratura» (Turin, 1760; 2-е изд., Berlin, 1784) («Рассуждение о судьбах литера-

туры»). В первом издании об история просвещения и литературы в России нет ни единой строки, во втором, которое имеется в Ленинграде лишь в современном немецком переводе («Ueber Schicksale der Litteratur», deutsch von Fr. Gotth. Serben, Berlin, 1785), этому предмету отводится достаточно места; при этом Денина, подобно Андресу, ссылается опять-таки на Левека (нем. пер., ч. I, стр. 133).

И Андрес, и Денина стоят на той же «просвещенно-абсолютистской» точке зрения и не представляют с методологической стороны особенного интереса. Применительно к России эта точка зрения у Андреса выражается, между прочим, в знакомых нам панегириках Петру I и Екатерине II. Денина же в первой части своего «Discorso» (стр. 135) утверждает, что «имей Россия во времена всеобщего возрождения наук таких же владык, как в наши дни, Москва стала бы важнейшим местопребыванием старой вновь оживающей образованности». В первой части книги Дефины русской литературе отведено всего три коротеньких главы: 44-я первой книги, — «Основание литературы у русских во времена Каролингов» (стр. 131—135), 45-й той же книги «Причины немедленного возврата к варварству» (стр. 135—138) и часть 27-й главы второй книги «Поляки и русские».

В этих главах речь идет преимущественно о временах древних, уделяется внимание общим проблемам просвещения, языку, школам и т. д. Второй том, в котором должна была рассматриваться новейшая литература, найти не удалось. Попутно следует отметить, что указанными страницами книги Денины, в немецком ее переводе, воспользовался впоследствии (в 1791) известный нам по предыдущей главе Бужине; русской литературе он уделяет очень мало места (т. III, стр. 319—321) и говорит сперва о неизвестном происхождении русских, затем о Несторе, называя его «ein Metropolit von Moskau, geb. circa 1056, zu Bielozero» и упоминает о Никоне. О новейшем периоде у него сведений нет.

Интерес работы Андреса состоит в указании им источников для составления истории русской литературы и в введении в западно-европейский литературно-историографический оборот новых

материалов. «Я искал для прочих частей (т. е., для времен, не затронутых Левеком) — пишет Андрес (т. II, стр. 98) — последних сведений об этой поэзии и, благодаря любезности некоторых друзей, получил ученый и обстоятельный мемуар от академика Штелина (в испанском переводе — т. III, стр. 181 — Штерина) относительно русской литературы; таким образом, настоящим заметкам можно придать большую обстоятельность».

Итак Левек и Штелин — вот два источника Андреса, из которых составлены главы, трактующие о русской поэзии (т. I, стр. 457; т. II, стр. 98—101); о русском театре (т. II, стр. 365—366), о русском красноречии (т. III, стр. 61—62). Из сопоставления текста Андреса с соответствующими страницами «Histoire de Russie» Левека можно выяснить, что было сообщено автору «Dell'origine, de'progressi e dello stato attuale d'ogni letteratura» академиком Штелиным.¹

Прежде всего Андрес данными Штелина пополняет краткие биографии перечисляемых авторов, напр., указывает, что Херасков является в настоящее время (т. е., 1785 г.) куратором Московского университета, приводит дату смерти Кантемира, отсутствовавшую у Левека, и т. д. Затем Андрес — по мемуару Штелина — сообщает сведения о ряде новых русских писателей, напр., о некоем Петроском (т. II, стр. 101; исп. перевод, т. III, стр. 187), в котором по другим приводимым данным нетрудно узнать Поповского, о каком-то Мачикове, гвардейском офицере и авторе многих трагедий, в частности «Il falso Demetrio» (т. е., «Дмитрий Самозванец»); этот Мачиков (т. II, стр. 187 и 366), конечно, не кто иной, как Василий Майков, которому ошибочно приписана трагедия, принадлежащая перу Сумарокова; расхваливается Андресом некая principessa d'Ascof (т. II, стр. 101, т. III, стр. 62; в исп. пер., т. III, стр. 187—188, — princesa Ascof, т. е., княгиня Дашкова); и, наконец, очень много говорится о деятельности Екатерины, как писательницы (т. II, стр. 101; т. III, стр. 62—62). Упоминается также в качестве

¹ Возможно, что у Андреса, помимо Левека и Штелина, были в распоряжении и другие материалы; однако, для обнаружения их нет никаких данных.

оратора архиепископ Московский Платон, затем музыкальный композитор князь Белосельский, президент Академии Домашнев и др.

Таким образом, говоря в разных томах своего обширного труда о развитии русской литературы, Андреc сумел представить иностранным читателям, если и не вполне точный, то, во всяком случае, новый, неизвестный дотоле, материал.

Выше было сказано, что для своего труда Андреc воспользовался каким-то мемуаром академика Штелина, в котором последним «обстоятельно и научно» были изложены материалы, касающиеся истории русской литературы. Это указание заставляет обратиться к вопросу о деятельности названного академика. Яков Яковлевич Штелин (1709—1785), состоявший с 1735 г. адъюнктом Академии и профессором элоквенции и поэзии, насколько известно, специальных работ по истории русской литературы не оставил. Однако, среди его бумаг сохранились некоторые подготовительные материалы, частично опубликованные: а) так наз. записка Штелина, первоначально напечатанная в Москвитяине за 1851 г., № 2, стр. 205—215 и затем включенная в Ефремовские «Материалы для истории русской литературы» (Спб., 1867) (стр. 161—167) и частично в «Сборнике материалов для истории Академии Наук», А. А. Куника, (ч. II, стр. 387—390); б) т. наз. «Nachtrag zu den Nachrichten von der Dichtung der Russen» («Прибавление к известиям о поэзии русской»), перевод которого приводится в статье акад. Н. С. Тихонравова: «Опыт исторического словаря о российских писателях Новикова» (сперва в «От. Зап.» 1867 г. № 5, стр. 371—375, вторично в соч. Т-ва, т. III, ч. II, стр. 73—76); в) неопубликованная статья «Auteurs originaux russes», о которой упоминается в той же статье Тихонравова (соч., там же, стр. 72).

Записка Штелина, которую Тихонраов датировал 1762 г., очевидно была написана в самом конце 1780 г. или в начале 1781.¹

¹ Куник, А. А. Сб. Материалов для истории Акад. Н., ч. II, стр. 387, пр. 1.

Второй документ, опубликованный в статье Тихонравова, датируется последним 1783 г. (цит. соч., стр. 78). Однако, и здесь у Тихонравова не проявлена достаточная внимательность, он не остановился на указании о назначении Державина губернатором в Олонецком наместничестве; должность эту Державин получил в мае 1784 г.¹ Что касается до времени написания ненапечатанного документа «Auteurs originaux russes»,² можно с большой или меньшей степенью уверенности отнести его к началу 1780 г. и, в связи с этим, наметить различные этапы подготовительных работ Штелина к написанию истории русской литературы. Дело обстояло так: через каких-то своих друзей аббат Андреас обратился к Штелину в 1780 г. с просьбой сообщить сведения о состоянии русской литературы. Штелин откликнулся и отправил рукопись, черновик которой «Auteurs originaux russes» сохранился в Погодинском архиве. Ошибки, отмеченные выше у Андреаса и полностью повторяющиеся в рукописи Штелина, дают основание считать именно ее известной «memoria dotta e piena», о которой говорил Андреас. Затем, вероятно, в связи с выполнением просьбы Андреаса, у Штелина возникла мысль самому заняться сбором материалов для истории русской литературы. Таким образом, сперва была написана «Записка», которую следует датировать концом 1780 г. — началом 1781 г., а затем «Nachtrag» в 1784 г. Как указывает Тихонрахов,³ Штелин обратился за содействием к И. Ф. Богдановичу, который и прислал ему письмо с биографией Симеона Полоцкого.⁴ Смерть Штелина в июне 1785 г. прервала его приготовления. Таким образом, можно считать, что и эта попытка, от которой сохранились только подго-

¹ Соч. Держав., 1 акад. изд., под ред. Я. К. Грота, т. VIII, стр. 357.

² Этот документ находится в архиве Штелина, в составе Погодинского древлехранилища, в Публичной Библиотеке (бумаги Штелина, № 52). Ссылки библиографического характера доведены у Штелина в этой рукописи до 1780 г. включительно.

³ Цит. соч., стр. 76—78.

⁴ Обращение это могло явиться следствием помещения И. Ф. Богдановичем в «Собеседнике Любителей Российского Слова» (в 1783 г.) статьи «О древнем и новом стихотворении». См. об этом в главе пятой настоящей диссертации.

товительные материалы, не позволяющие достаточно определенно судить о методах и идеологии автора, и эта попытка была вызвана не внутренними побуждениями, а фактом внешним, лежащим в другом ряду, а именно интересом иностранцев к русской литературе.

Впрочем, наряду с этими внешними поводами к изучению русской литературы, около этого времени, т. е., в 1790-х годах, обнаруживаются и другие внутренние мотивы. Любопытнейшим документом этого направления является речь московского профессора Теодора Баузе (1752—1812 г.), которую он произнес в конце июня 1796 г. Полное название речи таково: «*Oratio de Russia antehoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita*» (Москва, 1796 г.) («Речь о том, что перед сим столетием Россия была не совершенно некультурной и имеет немалые заслуги в отношении наук и их изучения»).

Произнесенная в самом конце царствования Екатерины II, когда, под влиянием Французской Революции, во внешней и внутренней политике России обозначалась резкая реакция, речь Баузе не могла не отразить на себе духа времени. И действительно, работа Баузе, хотя и продолжает прежнюю традицию «просвещенно-абсолютистской» науки, но ударение в ней уже переносится с «просвещения» на «абсолютизм». Все время идет оглядка на «развращенные» и «злонамеренные» народы, преступившие законоположенные установления, все время им противопоставляется «благоденствующая» и «процветающая» Россия.

«Вновь наступает тот торжественный день, почтеннейшие слушатели, — начинается речь Баузе (стр. 3), — который тридцать четыре года назаддал Российской Империи августейшую императрицу — вновь наступает он, как обычно, не без великого и неизмеримого усиления и возрастания славы и благоденствия государства. В самом деле, в то самое время, когда многие государства Европы горестно потрясаются в своих основах и рассыпаются, наше в этот день не только все больше и больше укреп-

пляется и усиливается, но и увеличивается, и украшается. Ибо премудро установлено у нас, что развращенность и злокозненность тех, которые не признают ничего истинного, кроме того, что им прибредится, ничего правого, кроме того, что им самим нравится, и которые, лишенные правильного и верного понимания человеческих и гражданских отношений, наделенные высокомерием, распущенностью, скупостью, жестокостью, прочими страстями, берут на себя дерзость устанавливать и управлять государством — премудро, повторяю, установлено у нас, что глупость и легкомысленность таких людей никоим образом к нам проникнуть не может» (стр. 3—4).

Далее Баузе излагает причины такого счастливого положения России. По его мнению, это происходит вследствие того, что русские императоры всегда больше заботились о своих подданных, чем о себе, что благо общее они предпочитали своему частному и т. д. Представители верховной власти, мудро и справедливо царствующие, — единственный источник благоденствия свои подданных (стр. 5). Дальнейшие страницы вводной части речи Баузе посвящены характеристике императрицы Екатерины, характеристике, строго выдержанной в требованиях «просвещенно-абсолютистской» точки зрения (стр. 6—8).

«Воздав дань сегодняшнему благоговению, должно перейти — продолжает Баузе — к повседневным занятиям» (стр. 8). Он указывает тему своей речи и излагает причины ее выбора: 1) освободить, наконец, Россию от длительной зависти и недооценки различных недоброжелателей; 2) воздать каждому столетию должное по заслугам; 3) чтобы тот, кто познал начала просвещения России, тщательнее и яснее мог когда-нибудь изложить состояние культуры в России в текущем столетии, начертать ход изучения наук и научных занятий» (стр. 8—9).

Затем Баузе указывает, что самая постановка подобного вопроса идет в разрез с общеустановившимся, благодаря «сказаниям иностранцев», мнением о полном невежестве и «варварстве России до XVIII в.» Баузе резко полемизирует с теми, кто поддерживает подобную точку зрения (стр. 9—11). Переходя к во-

просу о степени просвещенности России до XVIII в., Баузе предпосылает этой специальной части общие воззрения на основы культуры всякого народа. Он видит культуру не во внешних проявлениях, не в материальных вещах, а во внутренней сути («*non tam in externo eorum, quam potius interno habitu*» (стр. 12). Культура — говорит Баузе — и способы воспитания почти одно и то же. Отсюда возникает культура политическая, гражданская, военная, торговая, научная, художественная, религиозная, нравственная, (стр. 13) и выражается в законах и установлениях, в книгах и произведениях искусства, в учреждениях, в достойных примерах. Само собой понятно, что культура имеет свои как бы ступени и формы, различные по возрасту, времени, климату и образу жизни (стр. 12—13).

Определив так широко понятие культуры, Баузе в дальнейшем дает (стр. 13—30) обзор государственной (политической) жизни России от Рюрика до Петра I. Вторая часть речи Баузе посвящена специальному вопросу о степени образованности России (стр. 30—44). Любопытна попытка периодизации истории русского просвещения, проводимая Баузе. Так, он предлагает делить историю древней русской образованности и, соответственно, и литературы на три периода: до татарского ига, до свержения последнего и до XVIII в. Для характеристики каждой эпохи Баузе критически пользуется как русскими, так и иностранными источниками; в результате получается картина, позволяющая ему кончить свою речь заключением: «Итак, рассмотрев это поприще в течение трех периодов, мы видим совершенно ясно, что наши предки (*Nostros*) в отношении наук и их изучения имеют много заслуг (*multum esse meritos*)» (стр. 45).

Речь Баузе была последней попыткой иностранца в XVIII веке изучить русскую литературу в целом или хотя бы в крупной ее части. Правда, следовало бы для библиографической полноты упомянуть статью некоего Herr'a W. «*Kurze Uebersicht der Litteratur in Russland*» («Краткое обозрение литературы в России»), помещенную в журнале «*Deutsches Magazin*» за 1793 г., ч. VI, август, стр. 1008—1018), о которой упоминает Кешен (цит.

соч., стр. 75).¹ К сожалению, ее в ленинградских и московских государственных хранилищах нет.

Впрочем, выходя несколько за пределы XVIII века, следует остановиться на «Nouveau traité de littérature ancienne et moderne» (Paris, 1802) («Новый трактат о древней и современной литературе») некоего Франсуа-Ксавье Пажеса (Pagès, François-Xavier, 1745—1801). Здесь также имеется краткий обзор истории русской литературы.² Видно, что этот раздел своего «Трактата» Пажес составлял исключительно на основании французских переводов русских писателей и некоторых по-французски написанных статей об отдельных русских авторах. Во всяком случае, ни одним из рассмотренных выше трудов он не воспользовался. Основными его источниками были «Lettre d'un jeune seigneur russe» («Письмо юного русского вельможи»),³ затем «Épître aux Français» («Послание к французам») кн. А. М. Белосельского-Белозерского, предисловием к «Choix des meilleurs morceaux de la littérature russe» (Paris, 1800). («Лучшие избранные отрывки из русской литературы») Паладопуло и гр. Галле.

Сведения Пажеса не обширны: он называет кн. А. Кантемира (стр. 323), Сумарокова (стр. 323—325), Богдановича (Bogdovitch, в реестре авторов он назван Bogdourwitchs) (стр. 324), далее князь Кленерцов (стр. 324),⁴ Третьяковский (стр. 325—326) и Ломоносов (стр. 323—333). Говоря о лирике Ломоносова и Третьяковского, Пажес, судя о них по французским переводам, заключает, что несмотря на длинноты, на неровности стиля и от-

¹ В книге геттингенского проф. Х. Мейнера (1747—1810) — «Vergleichung des älteren und neuern Russlandes» (Leipzig, 1798, 2 т.) («Сравнение старой и новой России») — гл. 4 первого тома (стр. 120—206) посвящена обзору сведений о культурном состоянии России, но о литературе сказано лишь мимоходом с ссылкой на Леклерка (стр. 184—185 в тексте и в примечании «г»). В начале книги Мейнера приведен обширный список «путешествий по России», очень важный для библиографии этого вопроса.

² Т. I, стр. 323—333 и стр. 412—416.

³ «L'Année littéraire», 1760, т. V, стр. 194—203. Подробнее об этом в главе пятой настоящей диссертации.

⁴ Prince Clénertzow, Russe — псевдоним французского писателя Кармонтеля, см. Сухомлинов, М. И. Исслед. и Ст., т. II, стр. 4.

сутствие меры (*des choses outrées*), «встречаются подлинно изумительные места не только в одах Ломоносова, но даже и Тредиаковского» (стр. 325—326) и в доказательство приводит «великолепное начало» оды «На взятие Гданска» Тредиаковского.

Но гораздо интереснее следующие суждения Пажеса о трагедиях Сумарокова в переводе Пападопуло и Галле. «Оба названных выше переводчика справедливо отмечают, как замечательную особенность, что трагедия («Дмитрий Самозванец») почти революционна, что второстепенные персонажи, — Шуйский, Георгий, Пармен, Ксения, произносят в ней сентенции о правах народа и об обязанностях царей (*des souverains*)» (стр. 325).

Эта попытка найти созвучный французской революционной литературе материал в творчестве русского драматурга чрезвычайно любопытна: она показывает, что прежняя «просвещенно-абсолютистская» позиция историков литературы уже начинает уступать место революционно-буржуазной.

Из рассмотренного материала видно, что история русской литературы, в течение всего XVIII века привлекала то в большей, то в меньшей степени внимание иностранцев, и что всегда изложение было проникнуто господствовавшей в данный момент идеологией. Сведения бывали не всегда обширны, не вполне точны, но, следует отметить, более точны, нежели впоследствии в XIX в. Отличительной чертой этих работ было то, что конкретный материал, за исключением разве одного Фромманна, был у них разбросан по разным томам (напр., Андрес, отчасти Денина), и полной картины русской литературы, мы, благодаря этому, в трудах иностранцев XVIII в. не находим. Первая попытка дать полную связную картину развития русской литературы за все время ее существования, при этом с новой «буржуазно-революционной» точки зрения, встречается лишь у Л. Вахлера, к которому мы сейчас и переходим.

Впрочем, и у него в первом труде, в «*Versuch einer allgemeinen Geschichte der Litteratur*» (Lemgo, 1793—1801, 3 т.) об истории русской литературы даются очень скудные сведения. Говоря об истории русской литературы до 1500-х годов, он

упоминает опять-таки Нестора (правда, исправив погрешности Бужине), его летопись и продолжателей ее, прибавляя, что «русские владеют такой полной историей, какой ни одна из европейских наций не может гордиться».¹ Давая общий очерк истории отдельных национальных литератур, Вахлер приходит к выводу, что «в... России литература развивалась чрезвычайно медленно, и о ней едва следует упоминать в общеисторическом курсе».² Поскольку изложение прерывается у Вахлера в «Versuch'e» на Вестфальском мире (1648 г.), постольку он и не мог дать более обстоятельной характеристики русской литературы, чем та, которая приведена на последних страницах его труда: «Россия была попрежнему без какой бы то ни было туземной культуры; правда, с середины XVI в. изредка отправлялись туда ученые, но их лучшие намерения могли делаться ощутительными лишь в очень ограниченном кругу небольшой части высших сословий, народ же пребывал в грубости и пренебрежении. Книгопечатание было введено с 1562 г., но не оказало влияния на более широкое распространение образованности. Некоторые данные для истории этого государства имеются в наличии, но не хватает достаточных сведений для их литературной обработки. Лишь к концу XVII века, со вступления на престол Петра Великого, Россия вошла в ряды государств просвещенных и восприимчивых к культуре и литературе».

Если в «Versuch'e» истории русской литературы уделено так мало места как из-за отсутствия материалов, так и по причине незначительности участия России в общекультурной жизни Европы до 1648 г., то совсем иное находится в «Handbuch'e».

Вахлер проявляет в этом труде достаточную осведомленность, постоянно подкрепляемую библиографическими ссылками. Так, при перечислении меценатов в разных странах, говоря о России, Вахлер характеризует Петра Великого, Екатерину II и Александра I (т. II, стр. 512), упоминает журналы о России

¹ Versuch. Т. II, стр. 499. Таков же отзыв Бужине (т. III, стр. 319).

² Versuch. Т. III, стр. 18.

(Бакмейстера) (т. II, стр. 555), книгохранилища (там же, стр. 567—568).

Но особенный интерес представляет характеристика русской словесности, данная им при обзоре отдельных иностранных литератур. Правда, ранний период попрежнему остается Вахлеру почти неизвестным, и, кроме того, что Россия состояла в некоторых сношениях с Грецией и что в конце 1000-х годов Нестор писал на народном языке «русские летописи», он ничего больше до новейшего времени не может сообщить (т. I, стр. 269).

Тем больший интерес представляет история новой русской литературы, которой Вахлер уделил довольно много места (4 стр.). Уже в общем этнографическом обзоре, среди прочих славянских стран, упоминается Россия, о которой сказано, что она имеет богатую и содержательную национальную поэзию и что русская проза все больше и больше приспособляется для употребления с дидактическими целями; если нельзя признать за ней никаких заслуг в отношении отдельных наук, то все же ее восприимчивость в отношении чужеземных наставлений заслуживает внимания и заставляет много ожидать от благоприятного будущего. (т. II, стр. 575). Переходя непосредственно к истории русской литературы, Вахлер, согласно своей схеме, предпосылает краткий обзор политической истории России.

Очертив общими линиями состояние России в XVI и XVII вв., Вахлер, переходя к XVIII в., выдвигает те моменты в политической жизни страны, которые способствуют, по его мнению, росту благосостояния, а следовательно и культуры народа. Так, говоря о Петре Великом, Вахлер отмечает его борьбу с феодализмом, или, как он выражается, уничтожение духовного и светского аристократизма и установление неограниченного самодержавия. В рассказе о царствовании Екатерины II подчеркиваются ее работы о развитии национальной культуры путем «покровительства среднему сословию, поощрения торговли, наук и искусств и т. д.». (т. II, стр. 802).

Таким образом, и история России воспринимается Вахлером в плане общей для его исторической концепции борьбы между

феодализмом и третьим сословием, берущим себе монархию в соратники.¹

Кончает Вахлер общий обзор следующими словами: «Политический вес России, связанный с мощным стремлением нации к высшей культуре, дает основание предполагать, что в следующем столетии столько же преподавателей русского языка будет находить применение своему труду, сколько сейчас французских» (т. II, стр. 863).

Переходя к характеристике русского языка, Вахлер говорит, что «последний богат, энергичен и мелодичен, очень картинен и способен к свободной гениальной обработке» (т. II, стр. 803). Филологические труды ему в достаточной степени известны, и он обнаруживает большую библиографическую осведомленность и в этой области.

Наконец, идет собственно история литературы, представляющая обзор русской поэзии, драмы и прозы. Здесь упоминаются отдельные писатели, приводятся вполне точно даты их рождения и смерти, названия издания главных трудов, даются иногда характеристики-этикетки (напр., кн. Антиох Кантемир — русский Ювенал и т. д.), при чем и тут Вахлер проявляет обстоятельное знакомство с предметом. Достоин внимания, что транскрипция русских имен и слов довольно точна и обнаруживает тщательное отношение автора к своей задаче.

Если принять во внимание отсутствие, за исключением «Словаря» Новикова, каких бы то ни было пособий по истории русской литературы конца XVIII в. («Словарь» Евгения печатался в «Друге Просвещения» одновременно с выходом II тома «Handbuch'a» Вахлера, а «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern» (1768) ему, вероятно, не была известна, ее в библиографии он не упоминает; зато ему известен Фромманн, Денина и Андрес), то приходится удивляться обилию сведений автора по самой для того времени новейшей русской литературе. Он знает

¹ Рассмотрению методологии Вахлера посвящена заключительная часть предшествовавшей главы, и там «революционность» его гораздо ощутимее.

не только Ломоносова, Тредьяковского и др. писателей середины XVIII века, но и Хемницера, Дмитриева и Карамзина. Все эти обстоятельства невольно выдвигают вопрос об источниках этой части труда Вахлера. При его обстоятельности и точности вопрос решается просто, так как после обзора политического состояния России приведен список источников по истории русской литературы. Перечень этот имеет для нас особое значение, так как в нем указывается ряд источников для истории русской литературы, насколько известно, еще не привлекавшихся к исследованию, а именно, журналы на иностранных языках, издававшиеся в России, как, напр., *Nordische Miscellen*, *Russische Miscellen*, *Russland unter Alexander dem I* и т. д.

Однако, сведения, по отношению новейшей истории русской литературы, сообщаемые Вахлером, едва ли могли быть почерпнуты им только из книжных источников. За это говорит, 1) значительная полнота данных, отсутствовавшая в указанных им источниках; 2) точность транскрипции и переводов; 3) обширность и подробность библиографии. Это все, вместе взятое, заставляет предположить, что Вахлер имел в России корреспондентов, которые могли снабжать его нужными ему данными. Возможно и другое предположение, что среди слушателей Вахлера были студенты из России, и они-то и предоставляли Вахлеру материалы. Однако, подтверждения подобных предположений нет, и поэтому можно ограничиться только признанием их возможности.

При ознакомлении с изложением истории русской литературы у Вахлера, невольно возникает впечатление об особой какой-то симпатии автора к России, ее культуре и литературе. Надо полагать, что этот интерес к России, внимание к ее истории и культуре явились следствием политической мощи России в конце XVIII и начале XIX в., с одной стороны, и участием России с Австрией и Пруссией в анти-наполеоновской коалиции, с другой.

Если обратимся ко II изданию (1824, т. III), то увидим, что изменения в части, касающейся истории русской литературы, носят, как и вообще вся «переработка» Вахлера, только стили-

стический характер. Так, вместо слов «Петр уничтожил светский и церковный аристократизм» (как было в I изд.), во втором мы находим: «Петр подавил» и т. д. К словам «Екатерина покровительствовала среднему сословию» прибавлено: «которое медленно и с трудом подымалось» (стр. 364). Особенно изменено место, посвященное характеристике русского языка. Выпущены слова «подается гениальной обработке» и прибавлено «и в высшей степени пригоден для литературных целей» (т. III, стр. 365).

Наконец, прежнему предположению о будущем распространении русского языка придана следующая форма: «Можно предположить, что по истечении одного поколения столько же преподавателей русского языка найдет приложение своему труду в Европе, сколько сейчас французского» (стр. 364). Внесены во II-е издание и дополнены в перечне авторов. Так, там упоминаются (стр. 366) лирики Державин, Карамзин, Василий Жуковский (Vasilej Schukowsky), а также «der romantische Erzähler A. Puschkin».

Заканчивается обзор истории русской литературы во II издании: словами: «Кажется, близко уже время, когда Россия, меньше зависящая от литературы Запада, как ни трудно ей было прежде обойтись без последней, делается более щедрой самобытными произведениями и станет серьезно привлекать внимание европейцев и своими литературными трудами» (т. III, стр. 367).

В 3-м издании «Handbuch'a» (1833 г.) истории русской литературы уделено $7\frac{1}{2}$ страниц, вместо 4 страниц первого и $3\frac{1}{2}$ страниц второго изданий. Однако, в наши задачи не входит подробная характеристика внесенных Вахлером изменений. Конечно, увеличен объем материала, внесены добавления относительно русской журналистики, педагогики, переводной деятельности и т. д. Среди новых поэтов упоминаются Батюшков, Милонов, Вяземский и т. д.; о Пушкине прибавлено «самобытно мощен А. Пушкин, «Стихотворения 1826 г.; Цыганы 1827 г.; Полтава 1829 г. и т. д.». Не обошлось без курьезов: «Сладкая меланхолия царит в Элегиях (1822) и Подражаниях Оссиану

(1824) В. Н. Олина» и «в 1826 г. выступил, как поэт природы (Naturdichter) крестьянин Федор Slaipouchekine (Слепушкин)». (т. III, стр. 489). В этом издании Вахлер еще более смягчает свой прежний энтузиазм в отношении России, — что, вероятно, находится в связи с политикой Николая I. Вместо прежних близких чаяний широкого распространения русского языка, Вахлер меланхолически замечает: «Была пора, когда многие поддавались искушению предполагать, что по истечении одного человеческого поколения столько же преподавателей русского языка найдет в Европе применение своему труду, сколько сейчас французов; но эта надежда, или, если иным угодно, опасение значительно умерилось последующими испытаниями. Работа над облагораживанием общественной жизни в огромнейшем русском государстве (Völkerwelt) требует столетия и еще и тогда будет не по заслугам оплачиваться. Для воспитания молодежи в некоторых местах делается не мало, однако, в большинстве случаев по приказанию и принуждению; духовная свобода стеснена со многих сторон; литература растет, но в большей своей части зависит от Запада; ему же обязана Россия решительным большинством своих научных достижений» (т. III, стр. 486).

В полном соответствии с этим сдержанным и холодным замечанием заключительные строки обзора истории русской литературы в 3-м издании «Handbuch'a» гласят: «Конечно, не слишком далеко то время, когда Россия откажется от литературной зависимости от Запада, без которой сейчас ей ни в коем случае не обойтись, или умерит ее и заявит свои притязания на литературную независимость» (т. III, стр. 492).

Таким образом, от пламенного энтузиазма и восторженного поклонения русскому языку и литературе в первом издании «Handbuch'a» Вахлер постепенно приходит к более трезвым и осторожным заключениям. Это обстоятельство, конечно, не представляет единичный факт; его нужно связать с обще-политической ситуацией и симпатиями тогдашней западной буржуазной интеллигенции, и все это нужно рассматривать на фоне и как продукт тогдашних социальных условий.

Труды Вахлера, по времени выводящие нас за пределы XVIII века, по характеру и направлению тесно примыкают к историко-литературным работам рассматриваемого периода.

Ограничившись этими сведениями и подводя итоги сказанному в настоящей главе, мы видим, что историко-литературные работы, написанные в этот период иностранцами о русской литературе, можно разделить на три главных категории, соответственно «протестантски-теологической» (феодално-клерикальной), «просвещенно-абсолютистской» (предреволюционно-буржуазной) и «революционно-буржуазной» точкам зрения, отражающим идеологии основных социальных групп XVIII века.
